

УДК 343.912

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).604-611

ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В КРИМИНОЛОГИИ

Д.А. Пархоменко*Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

31 января 2018 г.

Дата принятия в печать

2 августа 2019 г.

Дата онлайн-размещения

23 августа 2019 г.

Ключевые слова

Лицо, впервые совершившее преступление; личность преступника; классификация и типология преступников; характеристика; рецидив; случайный преступник

Аннотация. На основе анализа учебной и научной литературы по криминологии о личности преступника, ее классификации и типологизации обращается внимание на сложившееся противопоставление рецидивной преступности и ее субъекта (личности рецидивиста): не первичной преступности и личности впервые совершившего преступление, что было бы логично, а всей иной преступности и «просто» личности преступника. Делается вывод о необходимости не только борьбы с рецидивом, но и, прежде всего, его предупреждения посредством более эффективного реагирования на первичную преступность и ее субъекта — лица, впервые совершившее преступление. Обзор учебной и научной литературы по криминологии показывает, что в ней проблема лиц, впервые совершивших преступление, ни сама по себе, ни в плане сравнения с рецидивной преступностью даже не обозначается. Что касается специальных научных исследований, в которых названная проблема могла бы затрагиваться, и в первую очередь работ, посвященных личности преступника, рецидивной преступности, то и в них определенного ответа на вопрос об отличиях вторичной (рецидивной) преступности от первичной преступности, о необходимости и обоснованности избирательного реагирования на преступления, совершенные впервые, не содержится. Для работ, посвященных рецидивной преступности, личности рецидивиста, характерно то, что в них предмет исследования ограничивается анализом характера поведения лиц, уже имеющих судимость и совершающих новое преступление. Лица, совершившие преступление, не имеющие судимости, остаются, как правило, вне рамок таких исследований и вне криминологического внимания вообще. Автором выдвигается предположение, что личность впервые совершившего преступление в криминологии не изучается в связи с тем, что в этом не видится практической полезности, подобной, например, той, которая видится в связи с изучением личности рецидивиста. Констатируется факт того, что традиционно высказывается большая обеспокоенность угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершает преступление впервые. Утверждается, что решение последней проблемы предопределяет решение первой, выступая как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее.

FIRST-TIME OFFENDER IN CRIMINOLOGY

Dmitry A. Parkhomenko*Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, the Russian Federation***Article info**

Received

2018 January 31

Accepted

2019 August 2

Available online

2019 August 23

Keywords

First-time offender; personality of the criminal; classification and typology of criminals; characteristic; repeat crime; accidental offender

Abstract. Having studied criminology textbooks and research publications regarding the personality of the criminal, its classification and typology, the author draws attention to the fact that they discuss the opposition between, on the one hand, repeat crimes and the personality of a repeat offender and, on the other hand, all other crimes and the personality of an offender «in general», rather than first-time crimes and first-time offenders, which would be more logical. The author concludes that it is necessary not only to counteract repeat crimes but, primarily, to prevent them though a more effective reaction to first-time crime and its subject — a first-time offender. An overview of textbooks and research publications in criminology shows that the topic of first-time offenders, either as an independent object, or in comparison with repeat crimes, is never even outlined. As for special research which could discuss this problem, primarily, research devoted to the personality of the criminal, to repeat offenses, it does not contain any definite information regarding the differences between secondary (repeat) and first-time crimes, or the necessity and expediency of a selective reaction to the first-time offences. Publications devoted to repeat offences,

the personality of the repeat offender, limit their object to analyzing the behavioral pattern of persons who already committed a crime in the past and then commit a new crime. Persons without a record of previous convictions who commit a crime, as a rule, stay out of the scope of such research and of criminology in general. The author puts forward an idea that the personality of a first-time offender is not studied in criminology because there seems to be no practical benefit from such work, unlike the benefits of studying the personality of a repeat offender. It is stated that, traditionally, the threat of new crimes from repeat offenders has caused greater concerns than the threat from first-time offenders. The author claims that the solution of the latter problem predetermines the solution of the former as it acts, at least, as one of the most efficient tools that could have an impact on it.

Понятие лица, впервые совершившего преступление, обычно выступает предметом исследования в работах, посвященных уголовно-правовой проблематике. Вместе с тем, как отмечает А.И. Долгова, «ни один криминолог, какую бы научную школу он ни представлял, не может обойти проблемы, связанные с человеком, совершающим преступления» [1, с. 375]. В этой связи уместны несколько вопросов: попадает ли в орбиту криминологических исследований лицо, впервые совершившее преступление, и если попадает, то какое значение ему при этом придается и имеет ли оно практическое звучание?

Применительно к рассматриваемой нами проблеме интересно звучит сформулированная В.Н. Косаревым мысль о том, как и надолго ли человек, совершивший преступление, становится личностью преступника: «...начальным моментом, с которого личность человека становится специфической категорией — личностью преступника, признается момент совершения преступления. С этого времени социальный тип личности переходит во временное качественно новое состояние и социальное положение — в категорию личности преступника. И это состояние определяется не на всю оставшуюся жизнь, а лишь временно, до истечения определенных законом сроков, а именно до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, погашения либо снятия судимости. После истечения этих сроков состояние личности преступника прекращается, и лицо считается не преступником. Но приобретенные этим лицом качества, будучи в состоянии личности преступника, дают основания для изучения их криминологами с целью разработки мер по профилактике и предупреждению рецидива преступлений» [2, с. 233]. Наверное, самая небесспорная часть приведенного суждения состоит в четко определенных автором границах существования категории «личность преступника»: момент совершения преступления — момент истечения

сроков, установленных в ст. 78 и 86 УК РФ. Если за рамками этих сроков личность преступника не существует, то остается не совсем ясным, кого и как изучает криминология «с целью разработки мер по профилактике и предупреждению рецидива преступлений». И, может быть, не лишним разумности в этой связи было предложение, высказанное в свое время авторами учебника под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, о том, чтобы лиц, совершивших преступление, именовать просто «личностями людей, совершивших преступление» [3, с. 48], которые отличаются от «личностей неправоверных» только фактом совершения преступления [4, с. 39]. Как представляется, данное предложение не утрачивает своей актуальности и в свете суждений, более гибко определяющих рамки «существования» личности преступника, когда, в частности, утверждается, что «совокупность качеств личности, детерминирующих преступление, возникает не в момент его совершения, а складывается в процессе всей предшествующей социальной практики индивида. Также эта совокупность не исчезает одновременно с совершением преступного деяния. Последующие события и обстоятельства жизни индивида, в особенности репрессивная часть, проблемы социальной адаптации, несомненно, влияют на личность преступника, изменяя в той или иной степени различные ее черты» [5, с. 41].

Отметим, что в издании под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова чуть ли не в единственном случае мы встретили указание на лиц, совершивших преступление впервые, в качестве самостоятельного типа. По такому основанию, как длительность и устойчивость преступного поведения, этот тип выделяется наряду 1) с особо злостными преступниками, для которых совершение преступлений является профессией и (или) которые объединяются в организованные группы; 2) злостными преступниками, совершившими несколько преступле-

ний и находящимися в устойчивой оппозиции к обществу, но это не стало для них профессией и образом жизни; 3) лицами, повторно совершившими преступления в силу таких своих личностных особенностей, как неумение сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам [3, с. 54]. Вместе с тем следует указать, что о лицах, впервые совершивших преступление, как о самостоятельной классификационной группе, типе личности преступника более в учебнике речь не идет. Весьма эпизодически упоминаются такие лица и при характеристике рецидивной преступности. Например, отмечается, что «у преступников-рецидивистов система мотивов беднее и уже, чем система социальной мотивации поведения законопослушных граждан и лиц, совершивших преступление впервые» [там же, с. 147].

Большинство же специалистов, обращавшихся к исследованию проблемы личности преступника, если и называют тех, кто совершил преступление впервые, то в рамках других самостоятельных классификационных типов и групп, противопоставляя их тем, кто совершил преступление не в первый раз, «повторно», «неоднократно» [6, с. 143]. Вместе с тем при последующем рассмотрении отдельных категорий (групп, видов) лиц, совершивших преступление, мы не нашли ни одной работы, в которой бы содержалась характеристика лиц, впервые совершивших преступление. В этой связи не совсем ясно, чему (или кому) противопоставляется предпринимаемая время от времени криминологическая характеристика отдельных форм множественности преступлений (например, повторности, рецидива) и «личностей» преступника. Почему при характеристике лиц, совершающих преступления, по такому показателю, как интенсивность преступной деятельности, авторами известного курса по криминологии в свое время выделялись только повторность, рецидив, в том числе многократный, специальный, особо опасный и т.п. [7, с. 305], и ни слова не говорилось о первичной преступности? Если рецидивная преступность — это составная часть всей преступности, то почему не называется и не изучается вторая часть последней — первичная преступность? Повсеместно приводятся отличительные черты рецидивной преступности, однако при этом не говорится, в сравнении с чем называются такие особенности. При характеристике рецидивной преступности, ее причин и условий мы крайне редко находим упомина-

ния о первичной преступности, о том, насколько эффективно состоялось и состоялось ли вообще уголовно-правовое, уголовно-исполнительное и прочее воздействие на первичную преступность. И такая ситуация характерна не только для отечественной, но и для зарубежной криминологии [8–12].

Отметим, что в работах криминологической направленности характеристика лица, совершившего преступление, нередко вообще не обособляется от характеристики преступного поведения. Между тем при всей взаимосвязанности таких характеристик они, на наш взгляд, все-таки самостоятельны. Говоря о классификации преступников, по характеру преступного поведения А.И. Долгова выделяет первичное и повторное преступное поведение наряду с умышленным или неосторожным, насильственным и корыстным преступным поведением [1, с. 402]. Более о первичном преступном поведении в этом издании не упоминается и все внимание акцентируется на характеристике даже не повторного преступного поведения, а рецидивной преступности.

Упоминание о лицах, впервые совершивших преступление, лишено единообразия и в части отнесения таких лиц к той или иной классификационной группе или типу личности преступника. Показательна в этом отношении типология личности преступника, приведенная в одном из учебников по криминологии конца прошлого века. В зависимости от «социального генезиса становления личности на преступный путь» авторы данного учебника выделили следующие типы личности преступника: случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо опасный. При этом первые три типа — это лица, впервые совершившие преступления [13, с. 94]. Аналогичную классификацию преступников, но «по глубине и стойкости мотивационной направленности», мы встречаем в работе И.В. Розуменя, который лиц, впервые совершивших преступление, также включает в первые три классификационные группы, правда, наряду с другими лицами, совершившими преступление [4, с. 45]. Подчеркнем, что эта же позиция ранее была высказана в учебнике по криминологии под редакцией профессора В.Д. Малкова [14, с. 93]. Такие же типы личности преступника («преступные типы»), но по характеру, степени общественной опасности, нередко называются в других изданиях. Причем лица, впервые совершившие преступление, как правило, упо-

минаются в группах лишь «случайного» и «неустойчивого» типов [15, с. 13].

Фрагментарное упоминание в учебно-научной литературе по криминологии о лицах, совершивших преступление впервые, сопровождается немалым количеством таких источников, в которых данная категория лиц вообще игнорируется. Это имеет место даже в таком фундаментальном и, как его назвал сам автор В.В. Лунеев, уникальном курсе мировой и российской криминологии. Отмеченное обстоятельство можно было бы объяснить тем, что кратность преступлений вообще не интересует автора как криминологическое явление. Однако, подразделяя личности преступников «по глубине и стойкости антисоциальной направленности», он называет среди них «ситуационных» и «неустойчивых» преступников, а в числе «злостных» прямо говорит о «неоднократно совершающих преступления» [16, с. 660].

Завершая обзор учебной литературы по криминологии, следует признать, что в ней проблема лиц, впервые совершивших преступление, ни сама по себе, ни в плане сравнения с рецидивной преступностью даже не обозначается. Что касается специальных научных исследований, в которых названная проблема могла бы затрагиваться, и прежде всего работ, посвященных личности преступника, рецидивной преступности, то и в них определенного ответа на вопрос об отличиях вторичной (рецидивной) преступности от первичной преступности, о необходимости и обоснованности избирательного реагирования на преступления, совершенные впервые, мы не нашли.

Среди классических работ, посвященных личности преступника, с точки зрения интересующей нас проблемы особняком стоит работа Н.С. Лейкиной «Личность преступника и уголовная ответственность». Сначала в докторской диссертации, а затем в одноименной монографии она затронула практические вопросы влияния личности преступника на решение вопросов освобождения от уголовной ответственности и назначения наказания. При этом факт совершения такой личностью малозначительного преступления впервые как раз и позволял, по мнению Н.С. Лейкиной, сделать вывод о малозначительной опасности такой личности, что могло повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. [17, с. 78]. Однако, поскольку в данном УК понятие лица, впервые совершившего пре-

ступление, в самостоятельном значении более не употреблялось, автор более его и не затрагивал ни в уголовно-правовом, ни в криминологическом значении¹.

С характеристикой общественной опасности личности преступника увязывал факт кратности преступлений А.А. Герцензон, отмечая необходимость учета степени вероятности совершения нового преступления лицом, претендующим на освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. [18, с. 31]. Однако и в этой работе, и в работе Н.С. Лейкиной лицо, впервые совершившее преступление, не выступало в качестве обособленной составляющей личности преступника. Не удалось нам ее обнаружить и в других криминологических исследованиях личности преступника. И это несмотря на огромный массив литературы, посвященной личности преступника, рецидивной преступности, опубликованной особенно в последние два-три десятилетия советского периода. В последние годы интерес к проблеме личности преступника заметно упал. В период с 2013 г. по этой проблематике, насколько нам известно, защищено всего две диссертации: одна кандидатская [19], а другая докторская [20].

Последняя работа заслуживает внимания потому, что ее автор Е.А. Антонян, исследовавшая рецидивную преступность и ее личность («личность рецидивиста»), одна из немногих сказала о необходимости снижения в первую очередь абсолютных показателей и первичной, и повторной преступности и лишь затем — об установлении наиболее жесткого контроля над рецидивной и организованной рецидивной преступностью [там же, с. 3]. Вместе с тем, называя причины совершения повторных преступлений, Е.А. Антонян, как и другие исследователи рецидивной преступности, определила начальную сферу их проявления уже назначением наказания [там же, с. 227], а не более ранними стадиями, следующими за совершением преступления, оставив без внимания возможности уголовного закона в этом направлении, в частности избирательного его реагирования на первичную преступность.

Для работ, посвященных рецидивной преступности, личности рецидивиста, характерно то, что в них предмет исследования ограничивается анализом характера поведения лиц, уже имеющих судимость и совершающих новое пре-

¹ Слово «впервые» в УК РСФСР 1960 г. употреблялось и в иных аспектах (ст. 24, п. 4; ст. 38; ст. 46.1).

ступление. Лица, совершившие преступление, не имеющие судимости, остаются, как правило, вне рамок таких исследований и вне криминологического внимания вообще. Попытку исправить этот недостаток предприняла Т.В. Серкова. Основываясь на судебной трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, она отметила, что за время действия УК РФ в среднем более половины лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращалось по нереабилитирующим основаниям, было осуждено за вновь совершенные ими преступления, причем тяжкие либо особо тяжкие. Таким образом, продолжает автор, «происходит фальсификация уровня уголовно-правового рецидива путем неучитывания умышленных преступлений, в связи с которыми виновные лица освобождались от уголовной ответственности, при совершении ими новых умышленных преступлений. Получается, что фактически повторное преступное поведение наличествует, в то время как юридически его нет». Автор анализирует структуру личности преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние, по отдельным ее элементам и при этом отмечает, что для лиц, неоднократно привлекаемых к уголовной ответственности, характерно то, что они не собираются исправляться, намеренно ведут антиобщественный образ жизни, пытаются не следовать требуемой в обществе форме поведения [21, с. 141]. Но в работе даже не предпринимается попытка ответить на вопрос, почему произошла повторность преступлений. Без ответа остается и, пожалуй, не менее интересный вопрос: отличается ли характеристика личности рецидивиста от характеристики личности преступника, совершившего повторное уголовно-противоправное деяние без осуждения за него?

Раскрывая такой показатель уголовно-правовой характеристики личности преступника, как интенсивность преступной деятельности, О.Р. Афанасьева и М.В. Гончарова называют в качестве его параметров «впервые совершенное преступление, прошлые судимости или фактический рецидив». Указывая, что в 2015 г. каждый второй ранее совершал преступления и около трети из них были ранее судимыми, авторы делают вывод: «Подобная особенность свидетельствует об антиобщественной направленности таких лиц, о низкой эффективности постпенитенциарной профилактики преступлений» [5, с. 43]. Во-первых, трудно признать корректными названные параметры интенсивности

преступной деятельности, поскольку в уголовно-правовой характеристике не может быть, например, «прошлых судимостей», а если уж о них идет речь, следует учитывать и «настоящие судимости». Сказанное касается и «фактического рецидива», в связи с чем остается неясным, подлежит ли здесь учету «юридический рецидив». Во-вторых, представляется не лишней наивности предлагаемая авторами зависимость количества вновь совершаемых преступлений от низкой эффективности «постпенитенциарной профилактики преступлений». При этом как бы презюмируется эффективность предшествующей профилактики, включая допенитенциарную и пенитенциарную профилактику. С чем не поспоришь в позиции О.Р. Афанасьевой и М.В. Гончаровой, так это с тем, что «развитие преступности во многом обусловлено тем, что одни и те же лица повторно совершают преступления, приобретая устойчивые криминальные навыки, антиобщественные установки и интересы» [5, с. 46]. Так, может быть, в этой связи и следует посмотреть на то, как уголовный закон реагирует на первичную преступность и почему повторно совершаются преступления; может быть, следует не только бороться с рецидивом, когда он уже есть, но и предупреждать его различными, в том числе уголовно-правовыми, средствами, действуя избирательно на лицо, впервые совершившее преступление. В этой связи по-прежнему актуальной является мысль Н.П. Дубинина, И.И. Карпеца и В.Н. Кудрявцева о том, что социальный эффект, достигаемый путем предупреждения преступлений, несравненно больше, чем эффект от применения наказаний за каждое правонарушение [22, с. 295].

Так или иначе, но в тех криминологических работах, в которых содержатся упоминания о лицах, впервые совершивших преступление, они обычно рассредоточиваются по трем типам личности преступника: случайный, ситуационный, неустойчивый. Для полноты представления о таком методе поиска лиц, впервые совершивших преступление, более внимательно посмотрим на работу Ю.В. Голика «Случайный преступник».

Автор, на наш взгляд, справедливо критически относится к утверждению В.Д. Филимонова о том, что «отсутствие в прошлом преступной деятельности является обязательным условием отнесения лица к категории случайных преступников» [23, с. 55]. Вместе с тем более низкий показатель рецидива среди таких преступников в

сравнении с другими типами личности закономерен и может свидетельствовать о небольшой степени их общественной опасности [23, с. 57].

Ю.В. Голик определяет случайного преступника как «лицо с общей положительной направленностью, совершившее преступление в результате временного проявления несвойственной для него активности антиобщественных свойств, вызванного сильным воздействием на его сознание и волю обстоятельств внешнего мира» [там же, с. 38]. Но это определение настолько «многофакторно», что вызывает сомнения в возможности действительно изучить личность такого преступника и, что не менее важно, найти практическое применение результатам такого изучения. Это признает и сам автор, когда отмечает разнородность группы случайных преступников. Последующее же выделение им видов случайных преступников еще более растворяет эту категорию преступников среди других, в том числе неслучайных преступников. Даже неосторожные преступления, по мнению Ю.В. Голика (и мы его разделяем), — это удел не только случайных преступников [там же, с. 79; 24, с. 12].

Рассматривая уголовно-правовые проблемы случайного преступника, Ю.В. Голик постоянно подчеркивает «сравнительно небольшую (пониженную) степень» общественной опасности совершаемых им преступлений [23, с. 129]. Вместе с тем наиболее существенным основанием смягчения уголовной ответственности таких преступников автор называет «небольшую общественную опасность личности случайного преступника», воспроизводя при этом мысль В.Д. Филимонова о том, что «степень опасности преступника зависит от степени опасности возможного в будущем нового преступления и, кроме того, от степени его вероятности» [25, с. 228]. При этом Ю.В. Голик отмечает, что случайные преступники, как правило, никаких новых преступлений в будущем не совершают [23, с. 136]. В стремлении отразить названные обстоятельства в уголовном законе автор предлагает в противовес понятию особо опасного рецидивиста (ст. 24.1 УК РСФСР 1960 г.) ввести в закон понятие малоопасного (случайного) преступника с пониженной уголовной ответственностью за совершаемые им преступления, круг которых будет определен в законе [там же, с. 143]. Автор предлагает также ряд иных льготных мер уголовно-правового воздействия на малоопасного преступника, в том числе на стадии назначения и применения наказания [там же, с. 146].

Для своего времени работа Ю.В. Голика, несомненно, имела прогрессивное значение в плане обоснования дифференциации уголовной ответственности с учетом одного из параметров, характеризующих личность преступника. В связи с переносом акцентов в уголовной ответственности с личности на деяние, ею совершенное, в УК РФ 1996 г. наиболее оптимальной законодательной конструкцией, отражающей такую дифференциацию, на наш взгляд, выступает понятие «лицо, впервые совершившее преступление». При этом подчеркнем еще раз, по нашему мнению, бесспорное.

В первый раз в жизни может быть совершено преступление любой категории тяжести, причем случайным преступником может быть тот, кто совершил особо тяжкое преступление, а особо злостным — тот, кто совершил преступление небольшой тяжести. Поэтому, на наш взгляд, тщетны попытки искать особенности характеристики таких лиц в рамках существующей в криминологии типологизации преступников. Важно, адекватно реагируя на факт совершения преступления впервые, эту адекватность подчинять предупреждению совершения лицом нового преступления.

В криминологии, как бы мы ее ни называли — «общетеоретической» или обычной [26, с. 19], нет личности впервые совершившего преступление, есть личность «просто» преступника, которой противостоит личность рецидивиста². При этом в личности преступника «растворяются» все иные личности, помимо последней: личности тех, кто совершил преступление в первый раз, признается совершившим преступление впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении, совершил несколько преступлений, но ни за одно из них не был осужден, и т.д.

Почему в криминологии не выделяется и не изучается личность впервые совершившего преступление? Осмелимся предположить, что в этом не видят практической полезности, подобной, например, той, которая видится в связи с изучением личности рецидивиста. Парадокс в том, что мы более обеспокоены угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершил преступление впервые. Между тем очевидно, что решение последней проблемы предопреде-

² В контексте рассматриваемой нами проблемы мы не упоминаем в данном случае о личностях корыстного, насильственного преступников и т.п.

ляет решение первой, выступает как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее [12].

Искать решение проблемы лиц, впервые совершивших преступление, в криминологии бессмысленно, потому что для нее (криминологии) этой проблемы нет, для криминологии проблема — рецидив.

Для криминологии нет проблемы эффективности уголовной ответственности и наказания

[26]³, соответственно, нет и проблемы дифференциации того и индивидуализации другого. Последняя на сегодняшний день всецело в поле зрения уголовно-правовой науки, но почему-то и в этом «поле» не особенно заметно лиц, впервые совершивших преступление.

³ Хотя и в криминологии стали привлекать внимание к идее определения возможностей результативного предупреждения преступлений через принуждение как цели общетеоретического учения о наказании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2010. — 1008 с.
2. Косарев В.Н. Структура и типология личности преступника и их значение для правоохранительных органов / В.Н. Косарев // Пробелы в российском законодательстве. — 2009. — № 9. — С. 231–233.
3. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — Москва : Юрист, 1997. — 512 с.
4. Криминология : курс лекций / сост. И.В. Розумань. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — 211 с.
5. Афанасьева О.Р. Криминологический портрет личности преступника / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. — 2016. — № 3. — С. 40–49.
6. Антонян Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 366 с.
7. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. — Москва : Юрид. лит., 1985. — 416 с.
8. Barak G. Criminology: An Integrated Approach / G. Barak. — Lanham : Rowman and Littlefield, 2009. — 398 p.
9. Akers R. Criminological Theories: Introduction and Evaluation / R. Akers. — 2nd ed. — Los Angeles : Roxbury, 1997. — 180 p.
10. Conklin J.E. Criminology / J.E. Conklin. — 4th ed. — New York : Allyn and Bacon, 1992. — 610 p.
11. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control / J. Hagan. — New York : McGraw-Hill, 1985. — 372 p.
12. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and what We Can Do about it / M. Goodman. — New York : Doubleday, 2015. — 392 p.
13. Криминология. Общая часть / под ред. В.В. Орехова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. — 216 с.
14. Криминология / под ред. В.Д. Малкова. — Москва : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
15. Латыпов Р.И. Шпаргалка по криминологии. — Москва : Велби, 2005. — 40 с.
16. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. / В.В. Лунеев. — М. : Юрайт, 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 1003 с.
17. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 128 с.
18. Герцензон А.А. Уголовный закон и личность преступника / А.А. Герцензон. — Москва : Знание, 1968. — 79 с.
19. Магомедов Н.Н. Личность преступника-взяточполучателя : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Н. Магомедов. — Москва, 2013. — 205 с.
20. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Антонян. — Москва, 2014. — 353 с.
21. Серкова Т.В. Личность преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние / Т.В. Серкова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2015. — Т. 25, № 4. — С. 141–143.
22. Дубинин Н.П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — Москва : Политиздат, 1989. — 304 с.
23. Голик Ю.В. Случайный преступник / Ю.В. Голик. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. — 166 с.
24. Дагель П.С. Проблема типологии и классификации личности неосторожных преступников / П.С. Дагель // Вопросы борьбы с преступностью. — 1978. — Вып. 28. — С. 3–14.
25. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. — 275 с.
26. Горшенков Г.Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 2 (45). — С. 19–25.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2010. 1008 p.
2. Kosarev V.N. Structure and Typology of a Criminal Person and his Value for Law Enforcement Bodies. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2009, no. 9, pp. 231–233. (In Russian).
3. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 512 p.
4. Rozuman' I.V. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2015. 211 p.

5. Afanaseva O.R., Goncharova M.V. Offender Profile. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2016, no. 3, pp. 40–49. (In Russian).
6. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Lichnost' prestupnika* [Personality of a Criminal]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2004. 366 p.
7. Kudryavtsev V.N., Karpets I.I., Korobeinikov B.V. (eds.). *Kurs sovetskoj kriminologii: Predmet. Metodologiya. Prestupnost' i ee prichiny. Prestupnik* [A Course in Soviet Criminology: Object. Methodology. Crime and its Causes. A Criminal]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1985. 416 p.
8. Barak G. *Criminology: An Integrated Approach*. Lanham, Rowman and Littlefield, 2009. 398 p.
9. Akers R. *Criminological Theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed. Los Angeles, Roxbury, 1997. 180 p.
10. Conklin J.E. *Criminology*. 4th ed. New York, Allyn and Bacon, 1992. 610 p.
11. Hagan J. *Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control*. New York, McGraw-Hill, 1985. 372 p.
12. Goodman M. *Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and what We Can Do about it*. New York, Doubleday, 2015. 392 p.
13. Orekhov V.V. (ed.). *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General Part]. Saint Petersburg State University Publ., 1992. 216 p.
14. Malkov V.D. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 528 p.
15. Latypov R.I. *Shpargalka po kriminologii* [Cheat Sheet in Criminology]. Moscow, Velbi Publ., 2005. 40 p.
16. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossijskoj kriminologii* [A Course in the World and Russian Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 1. 1003 p.
17. Leikina N.S. *Lichnost' prestupnika i ugovornaya otvetstvennost'* [The Personality of a Criminal and Criminal Liability]. Leningrad State University Publ., 1968. 128 p.
18. Gertsenzon A.A. *Ugovornyi zakon i lichnost' prestupnika* [Criminal Law and Personality of a Criminal]. Moscow, Znanie Publ., 1968. 79 p.
19. Magomedov N.N. *Lichnost' prestupnika-vzyatkopoluchatelya. Kand. Diss.* [The personality of a bribes-taker criminal. Cand. Diss.]. Moscow, 2013. 205 p.
20. Antonyan E.A. *Lichnost' retsdivista: kriminologicheskoe i ugovorno-ispolnitel'noe issledovanie. Dokt. Diss.* [Repeat Offender Personality: a Criminological and Penal Enforcement Research. Doct. Diss.]. Moscow, 2014. 353 p.
21. Serkova T.V. Personality of a Perpetrator of Repeated Socially Dangerous Acts. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 141–143. (In Russian).
22. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility: on antisocial offences nature and their prevention methods]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 304 p.
23. Golik Yu.V. *Sluchainyi prestupnik* [Random Criminal]. Tomsk State University Publ., 1984. 166 p.
24. Dageľ P.S. The problem of typology and the classification of the personalities of accidental offenders. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Issues of Counteracting Crime*, 1978, iss. 28, pp. 3–14. (In Russian).
25. Filimonov V.D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [Public Danger of the Criminal's Personality]. Tomsk State University Publ., 1970. 275 p.
26. Gorshenkov G.N. Punishment as an Object of General Theoretical Criminology. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2017, no. 2 (45), pp. 19–25. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пархоменко Дмитрий Александрович — доцент кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление, в криминологии / Д.А. Пархоменко // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 604–611. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).604-611.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parkhomenko, Dmitry A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

FOR CITATION

Parkhomenko D.A. First-time offender in criminology. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 604–611. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).604-611. (In Russian).